

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Роман ПАЛЕЕВ

доктор юридических наук, доцент. Российская академия адвокатуры и нотариата. 105120, Российская Федерация, Москва, ул. Малый Полуярославский, д. 3/5; e-mail: okspaleeva@gmail.com

РАЗНЫЕ ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА (Мария Оссовская vs Макс Вебер)

Выход в свет книги «Рыцарь и Буржуа: Исследования по истории морали» польского историка Марии Оссовской, несомненно, значительное событие в области социальной мысли и результат издательской деятельности известного культуролога Светланы Яковлевны Левит. Глубокий и пытливый исследователь М. Оссовская сумела раскрыть и проанализировать социокультурную ситуацию, связанную с генезисом капитализма. Особенность её исследования заключается в том, что она придала многим отвлечённым общественным процессам персонифицированную форму. Так, прежде чем охарактеризовать фигуру буржуа, М. Оссовская вылепила образ средневекового рыцаря. Сопоставление этики рыцаря и буржуа позволило исследовательнице показать радикальный переворот в европейской теории морали и соотнести его с общеисторическими процессами.

Несомненную ценность в её работе имеет полемика с Максом Вебером, который связывал появление капитализма с протестантским этосом. Правда, немецкий учёный указывал также на множество других социальных факторов, которые обеспечили рождение новой формации. Однако в научной литературе сложилось убеждение, будто М. Оссовская развенчала концепцию М. Вебера. В статье показано, что на самом деле классические положения учения Вебера остались в силе, но общая историческая картина генезиса капитализма стала, благодаря усилиям М. Оссовской, более глубокой.

Ключевые слова: человек, культура, М. Оссовская, М. Вебер, капитализм, Рыцарь, Буржуа, протестантский этос, цеховая солидарность, индивидуализм

О Марии Оссовской (1896–1974), естественно, известно меньше, чем о Максе Вебере (1864–1920). Она была видным польским философом и социологом, специалистом в области теории и истории этики. Многие идеи М. Оссовской носили пионерский характер и оставили заметный след в современном общественном сознании. Так, статья «Наука о науке», написанная ею в 1935 г. в соавторстве с мужем, известным социологом Ст. Оссовским, как признано в мировой литературе, положила начало новой отрасли знаний – науковедению. В её работах было впервые предложено и научно обосновано понятие «нормативный образец личности», которое и поныне играет огромную роль в исследованиях по социологии культуры и которое, как мы увидим, во многом предопределило плодотворность её исследований по истории нравов.

Научная деятельность М. Оссовской началась вскоре после окончания ею философского факультета Варшавского университета, где её учителями были известные представители «Львовско-варшавской школы» – В. Татаркевич, Я. Лукасевич и Т. Котарбиньский. Первоначально её интерес был обращён к вопросам аксиологии, затем – к семантике. Семантические исследования, которые послужили основанием присуждения ей в 1932 г. докторской степени, наложили отпечаток на всё её творчество. М. Оссовская уделяла особое внимание анализу понятий и уточнению терминов, считая, что это даёт возможность вычленить реальные проблемы и отбросить псевдопроблемы.

В 1945 г. она возглавила кафедру теории морали, впервые созданную для неё в Лодзинском университете. В 1948 г. она возвратилась в Варшаву, где до ухода на пенсию (в 1966 г.) возглавляла кафедру истории и теории морали и одновременно (с 1956 по 1962 гг.) руководила отделом теории и истории морали в Институте философии и социологии Польской Академии наук.

Книга М. Оссовской «Рыцарь и Буржуа: Исследования по истории морали» [16] интересна по замыслу. По сути дела, это погружение в историю морали. Но исследовательница основное внимание уделяет не хозяйственной практике и не моральным нормам. Она стремится персонифицировать историю, представить читателю два обобщённых персонажа – рыцаря и буржуа. Рыцарство – братство, привилегированное военно-землевладельческое сословие в Западной Европе в Средние века. Оно возникло в средневековой Франции и Италии и затем проникло во все европейские страны. Наибольшего расцвета рыцарство достигло в XII–XIII вв. Это сословие располагало особым нравственным кодексом. К числу принципиальных ценностей рыцарства относились вера, честь, доблесть, благородство, целомудрие и верность.

Характеризуя нравы рыцарской эпохи, М. Оссовская пользуется словом «этос». Она понимает под этим словом стиль жизни какой-нибудь общественной группы, ориентацию культуры с присущей ей иерархией ценностей. Любопытно, что при этом каждая святыня существует и в

практическом аспекте. Люди конкретного сословия, находясь в состоянии выбора, строго придерживаются своей установки, скажем, решать конфликты мирным путём или, напротив, постоянно утверждать своё превосходство с оружием в руках. Ещё выбор: вести праздную жизнь или же больше работать и больше зарабатывать.

Конечно, далеко не всегда ценностные установки выстраивались, что называется, в линейку. Скажем, отношение к труду в Средние века было весьма противоречивым. Высшие слои общества смотрели на труд с презрением. Они предпочитали войны, рыцарские подвиги и забавы. Как отмечал А.Я. Гуревич, «духовенство не разделяло этических принципов “героической лени” рыцарей» [9, с. 204]. Вместе с тем труд не заслуживал признания и почитания. «Грехопадение сопровождалось карой Господней. В наказание Бог обрёк человеческий род добывать себе хлеб в поте лица и выслал праотца из Сада Эдемского, чтобы возделывать землю, из которой взят. Эта библейская оценка труда как наказания вошла составной частью в этику христианского средневековья» [9, с. 204].

Что касается М. Оссовской, то она не только обозначает те или иные ценности. Она фиксирует внимание на повторяемости человеческого поведения. Причём такой повторяемости, которая служит образцом, примером. Такая приверженность нормам даёт основание для сравнения, проверки и своеобразного контроля. Однако польская исследовательница руководствуется не только человеческими типами высокой меры. Конечно, в первую очередь она обращает внимание на личностный образец. Но в общественной практике к достойным моделям поведения только лишь избирательного внимания недостаточно. Далек не все люди вызывают восхищение. Для оценки недостойных людей укоренившихся слов оказывается недостаточно. Пробел в терминологии, по её мнению, свидетельствует о недостаточном внимании к самой проблеме, о недооценке роли антиобразцов в жизни общества. В истории нередко бывает так, что «отпадение» от достойного движения, отступничество или предательство достойны пристального внимания не меньше, чем притягательные образы.

Обобщённый образ человека отнюдь не определяется только присутствующими ему ценностями. Такой ход мысли М. Оссовская считает поверхностным. Она критикует М. Шелера, который, проведя различие между ценностями религиозными, витальными, утилитарными и гедонистическими, напрямую конструирует образы гения, героя, пионера цивилизации или гедониста.

Анализ рыцарского этоса М. Оссовская начинает с Древней Греции. Она показывает, что у греков впервые появляются образцы как принципы целенаправленного формирования общественной жизни. Таков феномен пайдеи. Греческие рыцари придавали особое значение критериям благородства. С ним связана и красота. В мужчинах ценится мужественность, отвага. В палитре достойных примет рыцаря также щедрость, стыд, великодушие. В то время как гомеровские герои придавали

большое значение красоте человека, спартанцы заботились о физической силе и ловкости индивида. От спартанца требовали дисциплинированности, умения переносить боль, пренебрежения к смерти, скромности, мужества, бескорыстия. «Если под рыцарским этосом, – полагает М. Оссовская, – понимать этос правящего класса, свободного от хозяйственных забот, презирающего любое занятие, кроме военного, заполняющего свой досуг спортом, охотой и пиршествами, то этос спартанцев можно назвать рыцарским наравне с гомеровским эпосом» [16, с. 73].

В последующей истории исследователи по-разному оценивали спартанские добродетели, в немалой степени идеализируя их. Одних привлекал культ мужества, других – суровость обычаев, дисциплина и отречение от своего «я» ради общего блага. Носители данного этоса располагали властью и богатством. Они находились на вершине социальной лестницы и сами приписывали себе добродетели, которыми не располагали низшие сословия.

Иначе М. Оссовская описывает этос древних германцев. Особое внимание она уделяет рыцарскому этосу, который реконструируется ею по куртуазным романам. Этот жанр получил распространение в XII в. Каков же образ рыцаря? Он должен происходить из знатного рода, отличаться красотой и деликатностью, заботиться о своей славе. Он не может спокойно слушать о чужих успехах. При такой постоянной заботе о своём боевом престиже от рыцаря требуется мужество. Если мужество было необходимо рыцарю как человеку военному, то щедрость, которая от него ожидалась, считалась неременным свойством благородного человека.

Классовое братство не мешало рыцарям исполнять долг мести за любую – реальную или мнимую – обиду, нанесённую им самим или их близким. Вместе с тем перечислялись возможные случаи вероломства рыцаря по отношению к сюзерену: бросить его в бою, оставить на поле раненым, оскорбить его действием, совершить прелюбодеяние, лишить чести или покуситься на честь дочери. Славу рыцарю приносила не столько победа, сколько его поведение в бою. Рыцарь должен был хранить безусловную верность своим обязательствам. Убийство безоружного врага покрывало рыцаря позором.

Быть влюблённым считалось неотвратимой обязанностью рыцаря. Любовь должна быть взаимно верной, преодолевать нешуточные трудности и длительную разлуку. Обычная тема куртуазного романа – испытание верности. Рыцари, принесшие обет верности даме сердца, стойко сопротивлялись натиску любовных признаний других дам. Любовь к даме сердца должна была облагораживать рыцаря. В героических поэмах женщина ещё не играет заметной роли. Лишь с куртуазным романом XII в. приходит во Францию обожание женщины. Началась эпоха расцвета этого жанра. М. Оссовская замечает, что ценности куртуазной морали, независимо от того, играли они реальную роль в жизни или нет, сохраняли свою значимость.

М. Оссовская напоминает, что Аристотель от человека «по праву гордого» требовал высокого роста. Но в рыцарскую эпоху высокий рост человеку ни к чему. Особенно если он обладает слабым умом. Человек среднего роста ловчее в различных спортивных состязаниях. А это приветствуется. В XVI–XVII вв. было не счесть трактатов, поучающих, как следует вести себя при дворах и салонах, чего требует от рыцаря хорошее воспитание. В ходу была и учтивость, особенно для дипломатов. Посол должен быть человеком чести, порядочным человеком. Но придворные нравы не только внедрялись, но и служили объектом осуждения. Шекспир известен не только как критик рыцарских образцов, но и как изболочитель придворных нравов.

Придворная нравственность, как считал Ш. де Монтескьё, процветает в монархиях. К числу придворных недугов издавна относят лесть. Нападки на придворных и придворные нравы становятся особенно резкими по мере возрастания роли дворов в эпоху Возрождения. Немалый интерес у Оссовской вызывает и образ джентльмена. Спор о том, кого можно, кого нельзя считать джентльменом, продолжался столетиями. Безусловно, исключаются из числа джентльменов все те, кто зарабатывает себе на жизнь, например художники, артисты, фокусники.

М. Оссовская отмечает, что наиболее важным изменением была неуклонная демократизация этого образца. В школах для будущих джентльменов, которых, подобно средневековым рыцарям, воспитывали вне дома, особое значение придавалось хорошим манерам. Значимую роль при этом играли альтруистические мотивы. М. Оссовская указывает, что «пренебрежение к интеллекту сочеталось с упором на воспитание характера. Джентльмену присуще спокойствие и уверенность в себе, отличающая независимого человека... Он владеет собой, что важно в деле правления. Он правдив, но говорить правду без надобности не станет. Он доверяет другим и сам вызывает доверие. Поскольку он, возможно, займёт видный пост, закон не может наказывать его унижительным образом. В суде он освобождается от принесения присяги. Джентльмен упорен в преодолении трудностей. Он избегает какой-либо аффектации. Его отличает недоверие к слишком эмоциональным оценкам» [16, с. 139].

Джентльмен свободно распоряжается своим временем. По мнению М. Оссовской, особенно заметные изменения (как в лозунгах, так и в реальной жизни) претерпело представление о джентльмене в викторианскую эпоху. В этот исторический период появляются различные школы и направления, дискутирующие о романе как жанре: его тематике, предмете изображения, способах характеристики. Такова «школа серебряной вилки», или дендистский роман, представленный именами Э. Бульвера-Литтона и С. Феррьер. Главой школы считался Теодор Эдуард Хук, друг принца Уэльского, хорошо знавший высший свет и поэтому изобразивший его в ряде романов. Слава этой популярной в викторианскую эпоху школы быстро угасла.

Сенсационный роман тоже являл собой школу. Мотив тайны в таких произведениях усложняется серьёзными психологическими экспериментами. Усиливаются драматические моменты, подчёркивающие аномальность человеческого поведения в пограничных ситуациях. На первый план выступает тема идентичности и взаимозаменяемости пограничных полей между здоровым и нездоровым, вменяемым и невменяемым.

Среди безупречных добродетелей выделяется честь, причём это понятие имеет по крайней мере три значения. В первом из них честью наделён тот, кто пользуется признанием, уважением, почётом, славой. Во втором значении честь понимается как нечто, независимое от отношения к человеку окружающих, как совокупность черт характера, которые дают человеку право на уважение, – словом, как духовное благородство. Наконец, в своём третьем значении это понятие относится к женской чести и понимается как целомудрие.

Преображение джентльмена XVIII столетия в викторианского джентльмена – одно из любопытнейших явлений в истории нравов. Королева Виктория не сразу стала непримиримой пуританкой. Взойдя на престол, она поначалу находилась под влиянием лорда Мельбурна, который воспитывал её в духе прошедшего столетия. Тогда она любила развлечения и могла танцевать ночь напролёт. Всё это изменилось после её замужества. Муж королевы принц Альберт придерживался немецких идеалов. Был он человеком солидным, обязательным, в эротике сдержанным, находил удовольствие в жизни трудолюбивой и размеренной. Он не любил английскую аристократию, и она отвечала ему тем же. Под его влиянием образ жизни двора совершенно переменялся. На протяжении пятидесяти с лишним лет ни одна разведённая дама не могла показаться при дворе. После смерти принца Альберта пуританизм королевы-вдовы только усилился. Виктория осуждала тех женщин, которые, овдовев, выходили замуж вторично. Курение запрещалось. Ни под каким видом не позволялось носить усы без бороды. Сказать что-нибудь, в чём можно было бы усмотреть хотя бы тень неприличия, значило погубить себя навсегда.

Очень много написано о том, чем объяснить столь большое различие между английским и французским этосом, сохранившееся несмотря на многовековые культурные контакты. Об этом, по словам Оссовской, интересно писал И. Тэн, а также А. Токвиль. И. Тэн на вполне современный манер путём анализа содержания популярного еженедельника «Панч» выявляет ряд различий между обеими странами.

М. Оссовская исследует также рыцарский этос в Новом свете. Наличие в Соединённых Штатах аристократии обычно отрицается. Американскую культуру считают плебейской и именно этим существенно отличающейся от европейской культуры. Так, например, Э. Шилз объясняет характерное для американцев, в отличие от англичан, отсутствие потребности в «приватности» тем, что за океаном не было рыцарских

традиций, столь важных для Англии. В то время как в Америке лозунг «От лохмотьев к богатству» находил отклик ещё в начале прошлого столетия. Что же можно сказать об американском джентльмене? Он неизменно владеет собой. Самообладание в трудную минуту как раз и даёт ему превосходство над теми, кто выдаёт свои чувства, такие как гнев, страх, ненависть или смущение. Отношение к людям должно быть одинаковым, независимо от их положения в обществе. Тот, кто лижет пятки вышестоящим и третирует нижестоящих, – не джентльмен.

Как от мужчин, так и от женщин требуется тактичность, т. е. чуткость к переживаниям другого человека и способность считаться с ними – не ради общественного блага, но по доброте. Нельзя отрицать, что тактичность, понимаемая таким образом, часто вступает в конфликт с правдивостью, которая может быть и жестокой. В аристократическом обществе поступки оцениваются по их внутреннему достоинству; иногда имеет значение лишь сословная принадлежность того, кто совершает поступок, и того, кто является его объектом. Простолудин может позволить себе поступок, предосудительный для господина, а многое из того, что может позволить себе господин, считается недопустимым в простонародье.

По словам М. Оссовской, феодальная честь в одних случаях предписывала мнение и считала позорным простить обиду, в других – повелевала превозмочь себя, отречься от себя самого. Она не призывала ни к человеколюбию, ни к милосердию, но великодушие ставила высоко, щедрость ценила больше, чем благотворительность. Подобные взгляды не были всего лишь причудой людей, которые их разделяли. Класс, возвысившийся над всеми остальными и стремящийся всеми средствами сохранить превосходство, должен особенно ценить добродетели, в которых есть блеск и величие, добродетели, совместимые с гордостью и властолюбием. Он готов нарушать естественный порядок нравственного сознания, чтобы поставить эти добродетели превыше всего, и даже смелые и блестящие пороки предпочесть мирным и скромным добродетелям.

Так, М. Оссовская попыталась воссоздать определённый тип этоса, отличие которого от мещанского представляется очевидным. Там мы видим осторожность и недоверие, здесь – риск и широкий жест. Там – трудолюбие, здесь – презрение к труду ради заработка, в особенности к физическому труду. Там – стремление к безопасности, здесь – к славе. Личностные образцы рыцарского этоса окончательно складываются в Средневековье. Возрастание роли бюргерства заставляет правящую элиту выработать кодекс, который можно было бы противопоставить притязаниям «третьего сословия» на продвижение в обществе.

Напрашивается вопрос: какие условия способствовали формированию понятия чести, центрального в рыцарском этосе? Анализ спартанского этоса противоречит утверждению, согласно которому социальная стратификация – достаточное условие развития понятия чести. Имеет

значение также степень стабильности социальной группы, ведь в малых группах давление общественного мнения ощущается сильнее. Некоторые исследователи находят сходство между элитарными группами, руководствующимися рыцарским этосом, и преступными группами, живущими вне закона.

Наибольший интерес в книге представляет анализ буржуазной морали. В ней выделены три группы проблем: 1) анализ моральных норм и оценок; 2) психология морали и, наконец, 3) социология морали. Надо подчеркнуть, что свою работу М. Оссовская не рассматривает как историческую. Её замысел подчинён определённой системе – выявлению некоторых классических разновидностей классовой морали.

М. Оссовская, затрагивая тему буржуазной морали, естественно, толкует о её разновидностях. Естественно, что те, кто пишут о буржуазной природе каких-либо этических норм, опираются на самые различные представления о морали. В истории мы находим примеры не одной, а множества «буржуазных моралей». Классическую модель буржуазной морали М. Оссовская связывает с Бенджамином Франклином. Карл Маркс отмечал приоритет Франклина в ряде случаев. Его идеями воспользовался, по мнению Маркса, Мальтус. Кроме того, Франклин был одним из первых экономистов, который после Уильяма Петти разглядел природу стоимости и говорил о труде как субстанции стоимости всех вещей. Франклину также принадлежит верное определение человека как «животного, производящего орудия».

Жизненную установку человека, который всем обязан самому себе, характеризует «посюсторонняя» устремлённость его притязаний на трезвость ума. Взгляд его не направлен в мир иной, не для него он трудится и не от него ожидает помощи. По мнению Франклина, добродетель следует измерять полезностью. Не нужно самоотречения, от которого никому нет пользы, не нужно бесполезного умерщвления плоти. Здесь как бы слышится голос Д. Юма, который, как известно, резко осуждал любые проявления аскетизма. Франклин доказывал, что заслуга человека не уменьшается от того, что он делает что-либо без усилия, и что справедливость, милосердие или умеренность останутся добродетелями независимо от того, каким образом они проявляются – в соответствии со склонностями человека или вопреки им.

Утилитаризм, характерный для этики Франклина, проявляется и в его отношении к религии. От всяких религиозных обрядов сам Франклин держался на расстоянии, а по отношению к духовным особам позволял себе смелые колкости. М. Оссовская замечает, что бережливость в кругу привилегированных была качеством, которого стыдились и которое надлежало скрывать. Раз уж речь зашла о связи добродетельности и богатства, стоит упомянуть рассуждения Аристотеля в «Политике». Люди, по его мнению, не приобретают добродетели и не сохраняют их при помощи «внешних благ», но, напротив, приобретают внешние блага

при помощи добродетели, причём, в согласии с правилом «золотой середины», средний достаток всего приятнее для добродетели. Правление наилучших не есть правление самых богатых, ибо наилучшие владеют собственно умеренным состоянием [1].

Мысли Франклина служили М. Веберу для иллюстрации тезиса, согласно которому в этике, сформировавшейся на почве пуританизма, обогащение стало призванием. По мнению Вебера, это было специфической чертой пуританского этоса. В отличие, например, от лозунга «Обогащайтесь!», провозглашавшегося в послереволюционной Франции. М. Оссовская подчёркивает, что пуританизму не удалось совершенно замаскировать противоречие между христианским воспитанием и беспощадностью, необходимыми для продвижения в обществе.

Весьма интересны размышления М. Оссовской о добродетели бережливости. Её простейшая форма – сбережение денег. Эта форма бережливости часто становится иррациональной привычкой. Человека, увлечённого регулярным накоплением денег по мелочам, принято считать тупицей без капли фантазии. По мнению Оссовской, если говорить о фантазии, то это не всегда справедливо. Среди мелких накопителей есть и мечтатели. В мечтах они поочерёдно обменивают свои сбережения на всевозможные приятные вещи: сегодня покупают себе что-нибудь из ряда вон выходящее, завтра отправляются в путешествие, послезавтра великодушно одевают своими деньгами знакомого, оказавшегося в безвыходном положении. Такими вот суррогатами радостей жизни довольствуется человек скромных возможностей.

Роль религиозного фактора в формировании взглядов буржуа Нового времени рассмотрена в работе М. Вебера «Протестантская этика и капитализм» [7]. Было ли в протестантизме что-то такое, что способствовало развитию экономики? Анализ учения Лютера приводит Вебера к выводу, что не здесь следует искать подобные экономические стимулы. Правда, у Лютера можно найти осуждение монашеской жизни и призыв искать себе счастье не земле, другими словами, искать своего призвания в посясторонней жизни. Встречались у Лютера и призывы к труду. Но его взгляды всё ещё были проникнуты тем, что Вебер называл традиционализмом в экономической жизни. Человек, воспитанный в духе традиционализма, не спрашивал, сколько он может заработать в день при наиболее интенсивном труде. Его интересовало лишь то, сколько он должен работать, чтобы как-то просуществовать. Он предпочитал жить хуже и меньше работать, чем наоборот.

Слово «пуританизм» Вебер употреблял в том смысле, какой оно получило в XVII в. для обозначения аскетических разновидностей протестантизма, которые распространились в Англии и Голландии. Весь этот стиль жизни Вебер называет «посясторонней аскезой» в отличие от прежней «потусторонней» аскезы святых. Богатство становится здесь наградой за примерную жизнь, обогащение – религиозно-этической

миссией, призванием, причём этот специфический сплав экономики и религии получает массовое распространение. Пуританизм обогащается «помимо воли». Труд постоянно приумножает его достояние. Ему нельзя наслаждаться жизнью, поэтому он инвестирует.

Требую ограничить потребление, пуританизм в то же время сторонники пуританизма санкционировали жажду приобретательства. Эта новая жизненная установка распространяется снизу. Её носители – не крупные предприниматели, а скромные труженики (часто ремесленники), прошедшие суровую жизненную школу, рассудительные, деловые, солидные. На милость небес эти деятельные люди не уповали. Они были не из тех, кто, разбогатев, спешит в геральдическую контору за дворянским гербом и пристраивает сыновей в офицеры, чтобы забыть об их низком происхождении. Франклин, которого Вебер считает классическим представителем этих скромных тружеников, от своего богатства не имел ничего, считает немецкий социолог, кроме иррационального ощущения не исполненного как подобает призвания.

Пуританский способ обогащения, согласно М. Веберу, принципиально отличался от еврейского. Евреи представляли «авантюрный капитализм», а пуритане – капитализм, основанный на рациональной организации труда, рассчитанный на длительную перспективу. Религиозная мотивация со временем отмерла, но созданный ею стиль жизни сохранился, поскольку оказался практичным. Вера в то, что скорее надлежит слушаться Бога, чем людей, также была одной из важнейших предпосылок формирования индивидуализма Нового времени.

М. Вебер считал, что определённый стиль этики связан с экономическим преуспеванием, что, однако, не значит, будто это преуспевание было сознательной или неосознаваемой целью тех, кто подобную этику создал. Вебер считает ошибочным мнение, будто бы Реформацию можно объяснить при помощи одних лишь экономических факторов, как необходимость исторического развития. Число повлиявших на неё факторов бесконечно. В то же время Вебер категорически отрицает приписываемую ему недалёкую и доктринёрскую точку зрения, что Реформация будто бы породила капитализм. Ведь этому противоречит существование форм капиталистического предпринимательства, предшествовавших Реформации. Вебер желает выяснить, играло ли также религиозное влияние – и в какой степени – определённую роль в качественном формировании и количественной экспансии «капиталистического духа» и какие конкретные стороны сложившейся на капиталистической основе культуры восходят к этому религиозному влиянию.

М. Оссовская пытается оспорить мысль М. Вебера о том, что собственное пуританизму понимание обогащения как религиозно-этической миссии в качестве массового явления было чем-то новым. Что такое «дух капитализма», по мнению Вебера, может стать ясным в ходе дальнейшего анализа. Наглядной иллюстрацией концепции Вебера

служат известные высказывания Франклина. «Комментарии Вебера к ним позволяют предположить, что духом капитализма, по его мнению, проникся тот, кто каждую минуту использует для обогащения, понимая обогащение как призвание и воспрещая себе наслаждаться жизнью в ущерб уже приобретённым богатствам. Но ведь в классических высказываниях Франклина содержится не только это. Там есть ещё призывы к усердию и трудолюбию, бережливости, неукоснительному соблюдению принятых на себя обязательств» [16, с. 341].

Критика концепции Вебера ведётся по многим направлениям. Так, по мнению Л. Брентано, некоторые поступки предпринимательской эпохи можно объяснить традиционной хозяйственной этикой мелкого буржуа. Возникает вопрос: в какой мере мораль франклиновского календаря может служить иллюстрацией пуританизма? Ответ на него важен для оценки тезиса Вебера о соприкосновении духа капитализма и кальвинистской этики, выступающей в роли пуританской этики по преимуществу.

Справедливо ли мнение, будто М. Оссовская отвергла концепцию М. Вебера, указала на ошибочность его социологической экспертизы? На наш взгляд, совершенно несправедливо. Во-первых, происхождение капитализма Вебер не связывал напрямую лишь с протестантизмом. Он писал о множестве факторов, которые привели к рождению новой формации. Во-вторых, спор идёт о деталях, о толковании отдельных факторов, отмеченных или не отмеченных Вебером. Однако не подлежит сомнению главный вывод немецкого социолога: социальный динамизм невозможен без духовных факторов, без рождения новых ценностных установок. В истории общественной мысли такой подход гораздо более убедителен, нежели выведение капитализма преимущественно из хозяйственных факторов.

Указание М. Оссовской на недооценку роли католиков в развитии капитализма в России вовсе не рушит концепцию Вебера. Другой аргумент польской исследовательницы против немецкого социолога тоже касается частности. Согласно Веберу, кальвинизм способствовал развитию капитализма, потому что пробуждал стремление к обогащению и искоренял связанные с этим традиционные предубеждения. Но в этом последнем случае (опять-таки, по мнению Брентано) не меньшую роль сыграли политические писатели Возрождения, прежде всего Макиавелли, а экономические писатели той же эпохи своими рассуждениями о деньгах, цене, обмене и т. п. побуждали сосредоточивать внимание на прибыли. Ну и что доказывает этот аргумент? Можно ли в этом случае сразу переключить внимание с протестантизма на другие факторы?

М. Вебера критиковали также за недооценку той роли, которую сыграли в развитии капитализма великие географические открытия, а также быстрый рост населения Западной Европы. Так, «нагружая» социальную теорию различными общественными факторами, нетрудно

растворить сам смысл веберовской теории. Были и другие факторы, влияющие на рождение капитализма. Но такой набор «аргументов» скорее тяготеет к позитивизму, к перечислению факторов и останавливается перед проблемой концептуального осмысления самого исторического процесса.

М. Оссовская утверждает также, что Вебер недооценивал неоднородность пуританской доктрины. Эту, по её словам, неоднородность пуританизма можно показать, даже если ограничиться только последователями Кальвина. Сторонники подхода Оссовской не учитывают тот факт, что многие аргументы против концепции Вебера она почерпнула из других книг и публикаций. Это скорее обзор чужих мнений, нежели развитие собственной концепции. Так, М. Оссовская пишет: «Неверно, считают... критики Вебера, будто пуританизм в своём кальвинистской варианте безусловно освободился от традиционализма и будто бы он – во всяком случае, какое-то время, – не ставил препон неограниченной капиталистической экспансии, освобождая предпринимателя от угрызений совести» [16, с. 350–351]. При таком подходе к анализу явления нет возможности вообще говорить о нравственности как теории. Всегда отыщется в истории некий прецедент.

Пуританизм не сразу снабдил предпринимателя «чистой совестью». Принцип «бизнес есть бизнес», констатирующий специфический характер моральных норм, царящих в экономической жизни, прокладывал себе дорогу с трудом, и для его упрочения были необходимы (как заставляют думать, вполне в духе исторического материализма Тоуни) соответствующие экономические предпосылки.

Религиозные войны пошли на убыль с XVI в., а последние процессы над ведьмами относятся к началу XVIII в. Поэтому во второй половине XIX в. начали – и не совсем безосновательно – верить в прогресс не только в области техники, но и в межчеловеческих отношениях.

Список литературы

1. *Аристотель*. Политика // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 375–644.
2. *Бартелеми Д.* Рыцарство: от Древней Германии до Франции XII в. СПб.: Евразия, 2012. 580 с.
3. *Буркхардт Я.* Размышления о всемирной истории М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 560 с.
4. *Валлерстайн И.* Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2008. 176 с.
5. *Вебер А.* Избранное: Кризис европейской культуры. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 565 с.
6. *Вебер М.* Избранное: Образ общества. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 767 с.

7. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд., доп. и испр. М.: РОССПЭН, 2006. 648 с.
8. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 760 с.
9. Гуревич А.Я. Избранные труды: Средневековый мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 560 с.
10. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 432 с.
11. Гуревич П.С., Палеева Н.Н. Философия культуры. 2-е изд., доп. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 424 с.
12. Гуревич П.С., Спирина Э.М. Грани человеческого бытия. М.: ИФ РАН, 2016. 173 с.
13. Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории развития экономического человека; Художественная промышленность и культура. М.: Терра-Кн. клуб, 2009. 576 с.
14. Коэн Г. История рыцарства во Франции: этикет, турниры, поединки. М.: Центрполиграф, 2010. 157 с.
15. Монтескьё Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.
16. Оссовская М. Рыцарь и Буржуа: Исследования по истории морали. 2-е изд., испр. и доп. / Пер. с польск. К. Душенко; общ. ред. А.А. Гусейнова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 528 с.
17. Палеев Р.Н. Бизнес. Право. Мораль. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2016. 336 с.
18. Тэн И. Философия искусства. М.: Искусство, 1996. 350 с.
19. Фергюсон А.Б. Золотая эпоха английской рыцарственности: исследование упадка и трансформации рыцарского идеализма. СПб.: Евразия, 2004. 350 с.
20. Франклин Б. О свободе и необходимости, наслаждении и страдании. М.: Эксмо-Пресс, 2016. 155 с.
21. Шварцман К.А., Гусейнов А.А. Исторические образы морали // Оссовская М. Рыцарь и Буржуа: Исследования по истории морали. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 5–22.
22. Ossowska M. Ethos rycerski i jego odmiany [The Chivalric Ethos and Its Varieties]. 3rd edition. Warsaw, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 2000.

CULTURAL ANTHROPOLOGY

Roman PALEEV

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor. Russian Academy of Advocacy and Notaries, Small Poluyaroslavsky St. 3/5, Moscow 105120, Russian Federation; e-mail: okspaleeva@gmail.com

DIFFERENT IMAGES OF A MAN (Maria Ossowska vs Max Weber)

The publication of the book of the Polish historian Maria Ossowska “Knight and Bourgeois: Study in the History of Morality” is, undoubtedly, a significant event in social thought. It is result of the publishing activities of well-known culture expert Svetlana Levit. Deep and inquisitive researcher, Ossowska was able to reveal and analyze the socio-cultural situation of the genesis of capitalism. A personalized form she gave to many abstract social processes is the distinctive feature of her study. Before to describe the figure of the bourgeois, M. Ossowska molded the image of the medieval knight. A comparison of the ethics of the knight and of the bourgeois allowed the researcher to show a radical revolution in European moral theory and link it with historical processes in general.

The undoubted value of her work is a polemic with Max Weber, who linked the emergence of capitalism with the Protestant ethos. Nevertheless, German scientist also mentioned the many other social factors that have led to the birth of a new formation. However, in the philosophical literature developed the belief that M. Ossowska debunked the concept of M. Weber. This article shows that in fact, the classical principles of Weber’s doctrine remained valid, but thanks to the efforts of M. Ossowska, the overall historical picture of the genesis of capitalism has become deeper.

As you know, the German sociologist linked the Genesis of capitalism with the emergence of a particular moral order, which maintained private enterprise, personal initiative and spiritual freedom. Weber tried to answer the question why new historical formation developed exactly in given European region. He attached decisive importance to the emergence of Protestantism and did not imagine the birth of a bourgeois society without the mental-spiritual revolution.

On one hand, the concept of Weber acquired the status of a classic version of the origin of capitalism. On the other hand, historians, economists and social thinkers criticized it. Further events of the last century showed that the

growth of entrepreneurial practice also relied on other sources, not only on the Protestant ethos. Historians pointed to the abundance of historical facts, to the contradictory nature of the way of life, which made doubt of the accuracy of Weber's examination. Weber was more concerned with creating a kind of ideal construction, which not always correlate with statistical expertise.

For some time now in the humanitarian literature rooted the idea that the book of Polish researcher Maria Ossowska "Knight and Bourgeois. Study of the History of Morality" refutes the concept of Weber. Is it time to abandon the classic statements of the German sociologist and follow the Polish researcher? Can we believe that they radically contradict each other? Ossowska gave little value to the first ("psychological") thesis about the relationship of the "spirit of capitalism" with the Puritan ethic, while the second thesis in its specific historical formulation (that doctrines of Puritan sects contributed to the enrichment in certain countries and in a certain era) raise no doubts. As noted Marx, Protestantism contributed to the development of capitalism because it abolished many celebrations. M. Ossowska supports the belief of Weber that a new ethical style, which later widely spread, emerged due to the Puritanism. Polish researcher agrees with Weber that the role of sects has weakened solidarity of guilds and cleared the way for the economic individualism with its ruthless competition.

Weber derived the desire for enrichment, which in turn put forward a complex of bourgeois virtues as virtues useful for enrichment, from Puritan doctrines on predestination, and insisted that the ideology had a primary nature in relation to the economic basis. M. Ossowska believed the first link of this conclusion extremely fragile. Polish researcher also pointed that Weber overestimated the role of religious sects at the expense of other factors. According to Ossowska, historical evolution of Puritanism is a serious argument against the thesis of Weber.

Key words: *man*, culture, M. Ossowska, M. Weber, capitalism, Knight, Bourgeois, Protestant ethos, guild solidarity, individualism

References

1. Aristotel' "Politika" [Politics], in: Aristotel', *Sochineniya* [Selected works], 4 Vols., Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., 1983, pp. 375–644. (In Russian)
2. Barthelme, D. *Rytsarstvo: ot Drevnei Germanii do Frantsii XII v* [Knighthood: from ancient Germany to France XII century]. St. Petersburg: Evraziya Publ., 2012. 580 pp. (In Russian)
3. Burkhard, J. *Razmyshleniya o vsemirnoi istorii* [Reflections on World History]. Moscow: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2013. 560 pp. (In Russian)
4. Ferguson, A.B. *Zolotaya epokha angliiskoi rytsarstvennosti: issledovanie upadka i transformatsii rytsarskogo idealizma* [The golden age of English chivalry: the study of the decline and transformation of knightly idealism]. St. Petersburg: Evraziya Publ., 2004. 350 pp. (In Russian)

5. Franklin, B. *O svobode i neobkhodimosti, naslazhdenii i stradanii* [About freedom and necessity, pleasure and suffering]. Moscow: Eksmo-Press Publ., 2016. 155 pp. (In Russian)
6. Gurevich, A.Ya. *Istoricheskii sintez i Shkola «Annalov»* [Historical synthesis and the School of “Annals”]. Moscow: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2014. 432 pp. (In Russian)
7. Gurevich, A.Ya. *Izbrannye trudy: Srednevekovi mir* [Selected Works: Medieval World]. Moscow: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2013. 560 pp. (In Russian)
8. Gurevich, P.S., Paleeva, N.N. *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of Culture]. Moscow: Kanon+ Publ., 2014. 424 pp. (In Russian)
9. Gurevich, P.S., Spirova, E.M. *Grani chelovecheskogo bytiya* [Facets of human existence]. Moscow: IF RAN Publ., 2016. 173 pp. (In Russian)
10. Herder, J.G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the philosophy of the history of mankind]. Moscow: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2013. 760 pp. (In Russian)
11. Kohen, G. *Istoriya rytsarstva vo Frantsii: etiket, turniry, poedinki* [History of chivalry in France: etiquette, tournaments, duels]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2010. 157 pp. (In Russian)
12. Montesquieu, C.L. *O dukhe zakonov* [On the spirit of laws]. Moscow: Mysl' Publ., 1999. 672 pp. (In Russian)
13. Ossovskaya, M. *Rytsar' i Burzhua: Issledovaniya po istorii morali* [Knight and Bourgeois: Studies on the History of Morality], trans. K. Dushenko, ed. A.A. Guseinov. Moscow: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2017. 528 pp. (In Russian)
14. Ossowska, M. *Ethos rycerski i jego odmiany* [The Chivalric Ethos and Its Varieties], 3rd edition. Warsaw, Państwowe Wydawnictwo Naukowe Publ., 2000. (In Polish)
15. Paleev, R.N. *Biznes. Pravo. Moral'* [Business. Right. Morality]. Moscow: Kanon+ Publ., 2016. 336 pp. (In Russian)
16. Shvartsman, K.A., Guseinov, A.A. “Istoricheskie obrazy morali” [Historical images of morals], in: M. Ossovskaya, *Rytsar' i Burzhua: Issledovaniya po istorii morali* [Knight and Bourgeois: Studies on the History of Morality]. Moscow: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2017, pp. 5–22. (In Russian)
17. Sombart, W. *Burzhua: etyudy po istorii razvitiya ekonomicheskogo cheloveka; Khudozhestvennaya promyshlennost' i kul'tura* [Bourgeois: studies on the history of the development of the economic man; Art industry and culture]. Moscow: Terra-Kn. Klub Publ., 2009. 576 pp. (In Russian)
18. Taine, H. *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Culture]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1996. 350 pp. (In Russian)
19. Wallerstein, I. *Istoricheskii kapitalizm. Kapitalisticheskaya tsivilizatsiya* [Historical capitalism. Capitalist civilization]. Moscow: KMK Publ., 2008. 176 pp. (In Russian)
20. Weber, A. *Izbrannoe: Krizis evropeiskoi kul'tury* [Selected: The crisis of European culture]. Moscow: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2012. 565 pp. (In Russian)
21. Weber, M. *Izbrannoe: Obraz obshchestva* [Selected: The image of society]. Moscow: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2012. 767 pp. (In Russian)
22. Weber, M. *Izbrannoe: Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Selected: Protestant ethics and the spirit of capitalism]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. 648 pp. (In Russian)